

25 августа 1961 г.

ЗНАМЯ ЮНОСТИ

НИТИ РАДОСТИ

Оркестр работает, как хорошо налаженная машина. Стремительно несется, рвется в зал гибкая мелодия, словно разворачивается тугая, сильная пружина. Царит ритм. Ему подвластно все: и каждый вздох саксофона, и восклицание трубы, и сердитое ворчание контрабаса. В плечу ритма — сами музыканты. Ему подчинены все их движения. Они пританцовывают, они не могут стоять просто так. Вдруг мелодия обрывается. Оркестранты поворачиваются назад. Там слышен все нарастающий гул. Соло ударных. Улыбается едва видный из-за пагромождения барабанов негр. Порой же он очень серьезен, будто священнодействует над чем-то. Вот склонил голову набок, прислушался. Вроде бы неплохо. И разразился новой серией. Снова нагнетается ритм. Все окрестанты негры назлектризованы до предела. Мгновение — и вновь взлетает яркая, разноцветная мелодия.

Но вот и конец. Мы аплодируем хорошему негритянскому джазовому ансамблю, живым, непосредственным исполнителям. Кланяются же нам... Тут только мы вспоминаем, что перед нами — куклы-марионетки.

Да, всего лишь куклы. И еще громче, еще теплее наши аплодисменты...

Вечером на одной из окраинных улиц поют и веселятся подвыпившие горожане. Пять или шесть фигурок уморительно смешны. Смешит все — их помятая одежда, жесты, голова. А главное — сама удивительная правдоподобность всей этой картинки. Слово кто-то взял один эпизод из жизни проститюинов итальянского городка, уменьшил его, перенес сюда, на эту сцену, и сказал маленьким человечкам: «Живите сейчас тут». И они живут. Живут каждый со своими характером, привычками, внешностью...

Цирк. «Представление начинается!» Уже потешают публику ковровые клоуны. Появляется велосипедист. Несколько головок окружителей выражей, петель. Вдруг — столкновение с одним из ковровых. Летит в сторону руль, переднее колесо. А велосипедист продолжает невозмутимо развезать по арене на одном колесе. Обычные, довольно бесхитростные трюки старого цирка. Они не вызывают взрывов смеха, им можно только снисходительно улыбнуться. Мы здесь, в настоящем зале, делаем именно так. Громко смеяться должны те, кто нарисован там, на заднем плане, в ложах, окружающих арену. Это для них сейчас всю стараются клоуны и велосипедист. Это их время, их цирк. Но они не хохочут (ведь в конце концов, они — рисунок, условность). А мы смеемся. Смеемся и аплодируем. Очень забавно, перед нами — огромная сцена оперного театра, на ней — другая сцена, маленькая, на этой последней

из простых условных декораций оборудована цирковая арена, а уже на арене кривляются клоуны перед рядами зрителей, намалеванных на заднике. Но ведь пока идет «представление», мы не помним обо всем этом. Более того, мы словно сами сидим там, возле арены, мы будто перенеслись на несколько минут в этот старый цирк.

В тот вечер на первом спектакле итальянского театра марионеток «Пикколи ди Подрека» удивительные куклы наших гостей показали нам более десяти своих миниатюр. И каждый раз повторялось одно и то же. Опускался занавес — и мы с удовольствием аплодировали замечательным игровым актерам, мастерству тех, кто сделал их такими. Но занавес поднимался снова — и мы вновь забывали, что перед нами — всего лишь куклы, которых дергают за ниточки сверху.

Эти нити довольно отчетливо могут увидеть сидящие в первых рядах зрительного зала. Впрочем, их вовсе и не стараются сделать невидимыми. Они стаут такими сами, когда при помощи их начнет двигаться марионетка. И чем удачнее исполнит кукла ту или иную роль, тем незаметнее будут поддерживающие ее нити. Вот смотрите: словно на турник, взобрался на натянутый канат негритенок. Сейчас заметны ниточки, держащие его? Может быть, кое-где, если вглядеться очень внимательно. А сейчас? Видите: маленький гимнаст уже похож на обезьяну, так ловко он держится на канате. Он раскачивается, висит, зацепившись за него одной рукой или ногами, и вообще ведет себя так, словно он не в воздухе,

а на кровати. Зритель увлечен, он улыбается этим веселым кувырканиям, они смешат его все больше и больше. Где же здесь помнить о нитях, которыми управляется кукла! Разве будешь искать их, когда «гимнаст» уже настолько разошелся, что чуть не вылетает в самый зал, вскрикивая и звонко шлепая ногой о ногу. Да если и захотеть, то все равно увидеть сейчас ниточки очень трудно. Их было нелегко обнаружить абсолютно во всех картинках спектакля. Все два часа были заметны и хорошо чувствовались другие нити, протянувшиеся со сцены к каждому креслу в зале, — нити тесного контакта, самого живого общения кукольных персонажей со зрителями. Это всегда очень радует актеров. Зритель же всегда рад встрече с настоящим, большим, а тем более ярким и оригинальным искусством. Так было на спектакле итальянского театра «Пикколи ди Подрека».

Профессионалы этого известного во всем мире театра показали нам все, чем должен обладать болевой мастер-кукольник. А такой мастер обязан самым лучшим образом совмещать в себе и художника, и техника, и лицо, говорящее за своих игровых артистов, и вместе с тем оставаться незаурядным мастером отдельно в каждой из этих областей. Все эпизоды, сыгранные итальянскими марионетками в спектакле, говорят, что актеры театра — великие мастера.

В их исполнении очень любопытна одна деталь. Она говорит о высокой степени подоготовленности актера, об их богатом профессиональном опыте. В некотором смысле — это

спор с одним из мнений, касающихся теории искусства театра кукол и марионеток.

Цельность художественного впечатления, получаемого от театра кукол, часто может быть невольно нарушена, когда актеры производят нечто вроде «разделения труда». Один, к примеру, двигает марионетку, другой (или несколько) — читает текст, третий — поет и т.д. В таком случае движения кукол могут быть несогласованными, а действия их будут порой опережать речь, жест или, наоборот, отставать. В спектакле же коллектива «Пикколи ди Подрека» вся музыка и песни записаны на магнитофонную ленту. Сделать это, конечно, было нетрудно. Но вот при использовании записи в спектакле каждый раз могла получиться неувязка пения или музыки с движениями. Ведь очень трудно ежесекундно «подгонять» под музыкальную часть все мизансцены и жесты марионетки и не допускать здесь ни малейшего расхождения. Но, как мы видели, все движения кукол абсолютно «синхронны». Думается, что это обусловлено прежде всего таким замечательным качеством итальянских актеров, как их огромная музыкальность. Так или иначе, но марионетка Фигаро, исполняющая свою арию, просто великолепно, а последняя картинка — седой маэстро-пианист — настоящий шедевр этого сложного и тонкого искусства.

И еще мы увидели, как замечательно чувствуют и используют актеры «Пикколи ди Подрека» свет. Занавес только открылся, куклы не сделали еще ни одного движения, а зал уже аплодировал...

...Мексиканка поет, ей аккомпанирует гитарист. А за ними — сильный вечер, расцветший огнями города, лежащего там, внизу, на берегу залива. И горы... Светящаяся точка плавно скользит по склону — на верное, фуникулер... Трудно передать словами все тончайшие оттенки освещения, позволившие нарисовать эту картину. Точно так же нелегко подробно рассказать вообще о всех впечатлениях от спектакля театра марионеток «Пикколи ди Подрека». А они — самые хорошие, какие только могут быть, когда перед вами большие мастера большого искусства.

А. СТАНЮТА.